

сизу в джакузи между сциллой и харибдой
несмотря
хотя

*Мессина, 11 ноября –
Прага, 22 декабря*

к рождеству памятник на могиле доделали
добавили недостающие детали
и на Боге поставили крест

Прага
22 декабря

*как это получилось
объяснительная записка*

понимаешь тогда
ещё был гражданский снег в тамбуре
и было безлюдно в ядерную венецию
в её малый батапорт
в левый угловой татарский метадвор
пока не поселилась история
и друзья не потерялись в очереди
заходили скороговоркой

: взрыв под землёй — ой ворота открой:

: рай в горах — ах тяжёлой ногой:

потом крамольно уже продвигаясь в правый бок
нацеленной границей

МИМО

и мы были в ялте

а стали в крыму

P.S. проходя мимо можно и пожить

Ялта, 29 сентября, 11 декабря —

Прага, 22 декабря

и вот времени —

самое время

в лес весело

и

в лес всего

Ялта
7 декабря

вечность
(шутка после ужина)

А.Г.

личная вечность

вечная личность

лишняя вечность

вечная лишность

Ялта
10 декабря

лес лая
лес горлицами лая

*Ялта, апрель –
Дубровник, 4 ноября*

хор холода доверчивый
пологий чёткий резонанс

в одном левобережьи глаза
непарная одежда вдов

Ялта

19 сентября

тщательная тщѐта

с тела террасы
смотрю на кáтарсис

ресурс лестницы перекликается
с чемтодонебес

как бы тревога не растерялась

Ялта

19 сентября

на распродаже перемен
озимые музы
зависли от зависти

Ялта

19 сентября

по бокам ворот именинные пуговицы
ежегодная звёзд очередь
кругом понападало штук

Ялта

19 сентября

с осенней осмотрительностью
каверны старости
инкрустируют свои дырки

пополнение тумана
каверны старости
инкрустируют свои дырки

серьёзно поднимается съедобная вода
каверны старости
инкрустируют свои дырки

Ялта

19 сентября

обнуление дельты

впадение отменяется

через нос жизнью дует

через раз утром будят

Ялта

19 сентября

следуя местным привычкам
проявляй готовность к зиме
не тяни свои всходы за уши
целуясь лицом набело

Ялта

19 сентября

тяжёлые ворохи порохи жёлтые
хтоны оглохли
от ущерба луна увернулась от пуль

Ялта

19 сентября

от солнца скошенные терриконы
душью дюжины живьем
лишь мы заблудились и танки

Трасса «Дон» - Ялта

10 сентября – 19 сентября

шёл дедушка

грел дорогу

потом слепим из старости снег

Ялта

17 сентября

мысль босая от осени
дословно дословесно
и самопревратилась
мы и сидим в своих силах

Ялта

13 сентября

тут и отпразднуем всласть
переменную облачность
переменную влажность
и
переменное ночи

Москва

30 августа 2014

однокомнатный циклон
оторопь крутит простотела

Москва
30 августа 2014

парус пересолен
мелкотравчатая кучерявь

Свирь
27 августа 2014

скуластый холод

уличная сердоболь

данные недверки и придворки

время делать Бога

далеко повисли двери в хоровод

Свирь

27 августа 2014

оплошные контуры
набилось столько в историю
негде упасть народу

Свирь
27 августа 2014

створки солнца

сквозь

история отмелей

во весь рост

мелким горлом

беженцы вторгаются

Свирь

26 августа 2014

ворóнок
изначальные изнанки
и до нас дотронется дно
дно тронулось

Свирь
26 августа 2014

ИЗО КНА

Шёл человек и коровы

прижатые солнцем

чуть выступают из земли

и вот это такое на свет предыдущее

Ялта

9 августа 2014

весна во сне
шум числовых потоков
и лес полон ванн полных войн

Ялта
9 августа 2014

если выйти за озеро
за металлической сеткой
явь в позе занозы

Женева

12 июля 2014

смотри
широкая наружу ночи
отсюда рассаживаются народы
как маки на пасмурном

*Иерусалим, 30 мая –
Прага, 14 июля 2014*

хаос заштрихован
птицы расторгнуты
и неотложны

*Женева,
12 июля 2014*

считалка от засухи

ЭТОТ ГЛАЗЫЙ

ЭТОТ НОГИЙ

ЭТОТ ЗНОЙ

ПОДВИЖНЫЙ ТЕНИ

ТЫ-КТО

СОТКАН БЫЛ ИЗ СОКА

СОКА КАМНЯ АПЕЛЬСИНА

СКАЧЕТ ТУЧЕЙ ШАРОВОЙ

Иерусалим – Прага

31 июня – 12 июля 2014

рассыпчатые предпосылки

косые ипостаси

кочерыжки

пенка бездны

вся во вторичных чудесах

Прага

10-11 июля 2014

сверлили отверстия в бездну
бездна пресная
вода целебная
но не питьевая

*Иерусалим, 30 июня –
Прага, 10 июля 2014*

на барже в тумане
готовят ужин
мы тут запрятаны
в такие потонули

Прага
10 июля 2014

половиной лета
полосатой пирогой

полулодкой проплыть
на одном винте

Прага
10 июля 2014

ура новомесячье!
ты как балкон
 недоделанный навсегда!
ты раньше рая
 ночного зоопарка!

*Иерусалим, 30 июня – 1 июля –
Прага, 10 июля 2014*

каллиграфия

полуполненный Бог
и души идучи
плюхнулись

Москва – Прага

9 июля 2014

и накрапывал как карнавал

*Тудела 17 июня –
Москва, 7 июля 2014*

туда посмертные дожди неворотны и
до горизонта
безоблачная взрослость
и мистический загар облезает

*Тудела 17 июня –
Москва, 7 июля 2014*

слышатся тапки потока
кипячёные люди
спешкой успешной
в плакучем оазисе казино
тщедушный зяблик незыблемого
по легкой голи наглядной водной

*Кадакес, 9 июня –
Москва, 7 июля 2014*

у сфинксов
скрытые в песке
подвижны пальцы

3 июля 2014

каллиграфия

сердце

распекает

солнце

распекает

сердце

распекает

солнце

Иерусалим

29 июня 2014

НОЧЬ

ШЁЛКОВЫХ

ЖИВОТНЫХ

ОСТАНОВОК

НОЧИ

туда ли иммигрируем

целыми пространствами

сюда

Тудела, 17 июня 2014

о мезозной золотоносный
в ракушках по самые корешки
живые пещерные мальчишки
на поиск колен по ступенькам

Сарагоса – Гетария

14-15 июня 2014

неново громко соло пело птиц

спокойное вдвоём на одинокой ветке

15 июня 2014

день в день рожденья ростом

навстречу

голая отара одарённая

Берга

11 июня 2014

*возвращение
возвышенного*

слышатся тапки потока
кипячёные люди

спешкой успешной
ласковой

в оазисе плакучем
казино

тысячелетний опыт – его отсутствие

ощутимо

только зяблик незыблемого

тщедушный

и

по легкой голи наглядной водной

На пути в Кадакес и обратно

9 июня 2014

вечервене

зашли

продолговатым тактом

и собой населили всех

пришла и села

всеголишь

Санкт-Петербург, 30 мая –

Барселона, 8 июня 2014

ВОЗНИКЛО
но без того чтоб
ВОЗНИКЛО ЧТО-ТО
одарённая ночь
застревает

Барселона
8 июня 2014

иду
под ногами черновики кучи жизней
хранятся

иду положено такое шло
вечнозелёная тропинка смерти
и
первые цветочки набело

Прага, 8 марта – 8 апреля,

Барселона, 8 июня

аристову

ты в ошибочных городах
не видящих как жить в своем пространстве
ты по слогам разбираешь синие граффити
с указанием на подземные моря
там где средний век располагался
у подножья визитных развалин
от береговой линии отколотый танкер
золочёной тайной
весёленькой

Гранада

5 июня 2014

особая розовая позиция при переезде

с неё можно скатиться

прямо в истину

Санкт-Петербург

31 мая 2014

ветер гонит небо взашей
из ГОЛОЙ ГАММЫ
разрозненные выстрелы
ветреные

*Ялта, 21 апреля –
Санкт-Петербург, 31 мая 2014*

СТИХИ

сносит в сторону

от каждой проезжающей

машины

Санкт-Петербург

30 мая 2014

теология

год стал несломанное кресло

кругло сидели за столом

все со своей свободной волей

три около килограмм

Трип

24 мая 2014

па́ры страхов под парусом
дерево прорастает из детства
и урастает обратно
несломанное

Москва
21 мая 2014

утро растёт на глазах
в сетях весенний гибкий ужас
целый лес лёса
в СВЕТЛЫХ застенках

Москва, 25 апреля –

7 мая 2014

сквозь корки громыханья
сквозь стеклянное стойло

где динь динь
где бум бум

снится стабильное

Москва, 7 мая 2014

холод поджарен
город посыпан птичьим прахом
варёная вода —
и отсекли

Москва
5 мая 2014

числа состарились и наполовину умерли
родители состарились и наполовину умерли
мы потеплели
и наполовину вынуты

Москва

3 мая 2014

тебе нет погоды
гостей узнаём напотом
говорим изо всех облаков
безупречной оговоркой

Москва

30 апреля 2014

что может быть
не может быть
очень

Москва
25 апреля 2014

притихшие размеры моря
корабли залпом
залезли на сушу

Ялта

20 апреля 2014

люди порознь как мороз
и собирают признаки

Ялта
18 апреля 2014

все привычки временно перекрыты
даже дороги

и такие танки поэтики
что только тихо прошлёпать

Ялта

18 апреля 2014

щурятся подушки грядущего
щебечут открытенькие куски мира
стынут блюда оставшиеся от стряхнутых
слёз

Ялта

15 апреля 2014

вовсю произрастали люди
тамгде

весна

отвѣсна

Ялта

15 апреля 2014

растраты солнечных тряпок
срыв мокрых лепестков
розовый раскол

мы потептели
и наполовину вынуты

Прага, Москва,

7 апреля 2014

оголённое тепло

оплаканые полотенца

боль любой воды

ванная радуга

В ГОЛОВЕ ВОЙНЫ

Москва – Ялта

март-апрель

ёлка 2014

она была так жива что
– перевалила за смерть
поэтому – и
не была описана

*Москва
март 2014*

МОЛЧИТ ЯЗЫК ЛЕВОГО ГЛАЗА

ЗИМА НЕДОЕДЕННАЯ ВАЛЯЕТСЯ

Москва

19 марта 2014

на границе

у стены могила

то ли розы не положены

то ли камешки

*Прага
4 марта 2014*

и

отменяется

Москва

28 февраля

Алваро де Кампуш (Фернандо Пессоа)

МОРСКАЯ ОДА¹

Один на пустынном причале этим утром Лета,
Я смотрю в сторону устья, смотрю в Бесконечность,
Смотрю и радостно различаю
Крошечный чёрно-белый пароход заходящий.
Он приближается там вдали, чёткий, классика в своём роде.
Тянет за собой в дальней дымке полый след дыма.
Он заходит постепенно, и утро заходит с ним, и на реке
Тут тутже пробуждается всё морское,
Подымаются паруса, продвигаются буксиры,
Среди кораблей, стоящих в порту, возникают маленькие лодки.
С моря дует рассеянный ветер.
Но душою я с тем, что вижу не так близко,
С пароходом, заходящим в устье,
Так как он там – Расстоянием, Утром,
Морскими смыслами этого Часа,
Болезненной сладостью, она ноет во мне тошнотой,
Подымающейся рвотой, но духовной.

Я смотрю на пароход вдали, моя душа абсолютно независима,
И во мне начинает вращаться маховик, медленно.

Пароходы, входящие утром в устье,
Тянут мой взгляд с собой
Грустной и радостной тайной тех кто приплывает и отплывает.
Тянут с собой память других причалов и событий,
Других проявлений той же человечности в других местах.
Всё в швартовке, всё в отплытии,
И – как кровь ощущаю-это-в-себе –
Бессознательно символическое, ужасающе
Угрожающее метафизическими смыслами,
Они тормозят во мне то, кем я был...

О весь причал, одиночество страстное камня!
И когда корабль отходит от причала
И вдруг отделяется, так что раскрывается пространство
Между кораблём и причалом,
Ко мне возвращаются недавние тревоги

¹ Перевод выполнен по изданию *Pessoa Fernando Antologia poética.* // Lisboa: Biblioteca Ulisseia de Autores Portugueses, 2008.

Неким туманом грусти,
Сверкающим солнечными каплями на порослях моих тревог,
Первым окном, в котором пробивается рассвет,
И обволакивает, как воспоминания другого человека,
Которые таинственным образом были моими.

О, кто знает, кто знает,
Не отплыл ли я как-то раз до себя
От причала; не оставил ли на солнце
Косом рассвета
Порт какой-то другой?
Кто знает, не оставил ли я до времени
Внешнего мира, как я вижу его
Рассаженным для меня,
Большой причал, заполненный горсткой людей,
Большого полупроснувшегося города,
Огромного, торгового, разросшегося, разгорячённого города,
Ведь столько же может быть вне Времени и Пространства?

Да, до причала, до причала, до реальных причальных камней
Настоящего, зримого причалом, причалом на самом деле –
Абсолютный Причал, по образу которого, бессознательно подражая,
Вызывая его исподволь,
Мы, люди, строим
Наши причалы из действительного камня на всамделишной воде,
И они, уже построенные нами, вдруг объявляются
Реальными-Вещами, Произведениями-Духа, Каменными-Сущностями-Душами
В наши мгновения чувства-начала,
Когда во внешнем мире как будто открывается дверь
И, ничуть не меняясь,
Всё является разным.

О Великий Причал, откуда мы отплываем на Кораблях-Нациях!
О Великий Прошлый Причал, вечный, божественный!
Из какого порта? В каких водах? И почему я об этом думаю?
Великий Причал как другие причалы, но Единственный.
Полный, как они, перед рассветами шумной тишиной,
И раскрываясь, как утро за утром, в грохоте кранов,
И прибытие караванов товаров,
И под облачком, чёрным, и случайным, и лёгким,
Из недр труб близлежащих заводов,
От которого тень на угольной крошке пирса
Подобна тени облака, плывущего над темной водой.

О, эта сущность тайны и смысла, застывшая
В дивном восторге раскрытия
В часы цвета тишины и тревог,
Всё же не мост между причалами и Причалом.

Причал, чернотой отражаясь в застывшей воде,
Суматоха на борту кораблей.
Блуждающая, изменчивая душа тех, кто совершает посадку,
Людей-символов, что проходят и не продолжают,
И когда корабль возвращается в порт,
Всегда что-то меняется на борту!

О бесконечные бегства, отплытия, опьянение Разным,
Вечная душа мореплавателей и мореплаваний!
Корпуса судов отражением медля в воде,
Когда корабль выходит из порта!
Плыть по волнам как жизнь, исходить как голос,
Проснуться к дням настоящим, не то что дни Европы,
Видеть чудесные порты на одиночестве моря,
Огибать удаленные мысы к пейзажам внезапно открытым
Изумительных берегов без числа...

О дальние побережья, гавани, видные вдалеке!
А после -- близкие побережья, гавани видные вблизи!
Тайна каждого отплытия и каждого прибытия,
Мучительное непостоянство и непостижимость
Этой невозможной вселенной
В ее морское время разве что собственной кожей!
Нелепые вздохи о том, что наши души рассеются
Над пространствами разных морей с островами вдали,
Над отдаленными островами затерянных берегов,
Над возрастанием портов, с их домами и людьми,
Видимым с приближающегося корабля.

О утр прибытия свежесть,
И утр отплытия белёсость,
Когда наше нутро сжимается,
И смутное чувство похожее на страх,
Архаический ужас ухода и начала,
Мистическая древняя боязнь Прибытия и Нового
Стягивает нам кожу, терзая.
И все наше тревожное тело дышит,
Как будто оно наша душа,
Необъяснимым стремлением почувствовать то же по-другому:
Тоской по любой вещи,
Путаницей привязанностей к неясно какой родине?
К какому берегу? кораблю? к какому причалу?
Ведь нас точит мысль
И оставляет внутри одну пустоту,
Дыру пресыщения морем,
И смутное томление, что стало бы болью или застыло,
Если бы знать как...

Всё ещё утро Лета свежо.
Всё ещё в расторможенном воздухе невесомым оцепенением ночь.
Маховик во мне слегка ускоряется.
И пароход приближается, потому что ему положено приближаться, несомненно.

А не так, чтоб я видел, что он продвинулся, сократив расстояние.

В моём сознании он уже видимо возле
Всей протяжённостью линий своих иллюминаторов,
И во мне всё дрожит, вся плоть и вся кожа
Из-за того создания, которое никогда не приплывёт ни на каком корабле,
И я сегодня пришёл ждать на причал, повинуясь некоему распоряжению.

Суда что заходят в гавань.
Суда что отправляются из порта.
Суда что проплывают вдали.
(Себя-представляю смотрящим-на-них с пустынного берега)
Все эти мыслимые суда, вот-вот готовые отплыть,
Все эти суда меня трогают так, как будто они нечто другое,
А не всего лишь корабли, корабли, которые приходят и уходят.

А если смотреть на корабли вблизи, даже если на них не садиться,
Смотреть снизу, из шлюпок – высокие стены из стального листа,
Смотреть внутрь, сквозь каюты, салоны, трапы,
Обоняя близкие мачты, заострённые в высоту,
Задевая канаты, спускаясь по неудобным трапам,
Вдыхая всё это слоёной смесью металла и моря,
Корабли вблизи – они и другие, и те же,
В них одиночество и томление то же, но по-другому.

Вся жизнь морская! всё в морской жизни!
Всё это тонкое искушение проникает в кровь,
И я погружаюсь в неопределимо-неопределённое плавание.
О линии дальних берегов, растянутые по горизонту!
О мысы, острова, песчаные пляжи!
Моменты морского одиночества, как в Тихом океане,
Прописная истина, усвоенная в школе,
Что это самый большой океан, ощутимо давит на нервы,
И мир, и вкус вещей внутри нас обращаются в пустыню!
Более обитаемая, более запятнанная протяжённость Атлантики!
О Индийский, самый загадочный из всех океанов!
О Средиземное море, сладкая, без малейшей тайны, классика, море, чтобы биться о
Белые статуи на променадах с ароматами ближних садов!
Все моря, все проливы, все заливы, все бухты!
Я хотел бы прижать вас к груди, в себе ощутить вас и умереть!

А вы, мореходные вещи, мои старые снов игрушки!

Вне меня составьте то-что-я внутри!
Кили, мачты, и паруса, штурвалы, карданные вáлы,
Трубы, винты, марсы, вымпелы,
Тросы, люки, котлы, коллекторы, клапаны,
Я попада́л из себя грудями, как попало,
Беспорядочным содержимым ящика стола, в́ываленного на пол.
Да будьте сокровищем моей лихорадочной алчности!
Да будьте плодами с дерева моего воображения!
Бойтесь моих песен, крови в венах моего ума!
Пусть будет вашей эстетикой моя с внешним миром связь!
Оснастите меня образами, метафорами, словами,
Ведь по-настоящему, на самом деле, дословно
Мои ощущения корабль с килем в воздух,
Моё воображение якорь, наполовину погружённый в воду,
Моё томление сломанное весло,
Мои нервные ткани сеть, разложенная сушиться на берегу.

Только один вдруг на реке гудок.
Содрогается тут же твердь моей психики.
Ускоряется и ускоряется во мне маховик.
О пароходы, мореплаватели, неизвестность-места-конца
Имярека-такого-то, моряка, нашего приятеля!
О славное известие – тот кто был с нами рядом
Погиб, утонув у какого-то острова в Тихом океане!
Мы, знавшие его, будем всем рассказывать об этом
С законной гордостью, с тайной уверенностью,
Что в этом может быть больше значимого и прекрасного,
Чем просто упустить проплывающий корабль
И пойти ко дну оттого что вода набралась в лёгкие!

О пароходы, сухогрузы, парусники!
В морях – да что это я! – парусники всё реже и реже!
И я, приверженец современной цивилизации, я, обожающий механизмы,
Я, инженер, я, образованный, я, учившийся за границей,
Хотел бы видеть лишь парусники и деревянные корабли
И из всех морских жизней знать лишь старинную жизнь морей!
Ведь моря в старину это Абсолютное Расстояние,
Чистая Даль, свободная от груза Действительности...
О, как тут всё напоминает мне эту лучшую жизнь,
И эти моря, бо́льшие, ведь плавали в них медленно.
И эти моря, загадочные, ведь знали о них меньше.
Всякий вдали дымок приближается парусником.
Всякий корабль различимый сейчас вдали, – кораблём из прошлого рядом.
Все моряки на горизонте, невидимые на борту́,
Это моряки старинных времен, видимые,
Вре́мён парусных и медленных, вре́мён опасных плаваний,
Вре́мён дерева и брезента многомесячных путешествий.

Мало-помалу я впадаю в горячку морских вещей,
В меня проникает причал телесно и то что на нём,
Поверх моих ощущений скачет шум Тахо,

И я начинаю грезить, заворачиваясь в грёзы воды,
Приводные ремни моей души понемногу притираются,
И размах маховика меня встряхивает, явно.

Призывом воды ко мне,
Призывом моря ко мне,
Призывом ко мне дали, во весь свой телесный голос,
Морские времена, все превращённые в прошлое, призывом.

Ты, английский моряк, друг мой Джим Барнс, именно ты
Обучил меня этому старому английскому кличу,
Который пагубно сосредоточивает
В столь сложных душах что моя
Смутный призыв воды,
Нераскрытый невоплощённый голос морских вещей,
Кораблекрушений, длительных плаваний, опасных переходов.
Этот твой крик английский, в моей крови ставший всеобщим,
Непохожий по форме на крик, вне человеческих очертаний голоса,
Этот ужасный крик, кажется, звучит
Внутри некой пещеры, у которой сводом небо,
И будто бы говорит обо всём зловещем,
Что может случиться в Дали, в Море, Ночью...
(Ты обычно представлял, что окликаешь шхуну,
И выкрикивал так, складывая ладони по обе стороны рта,
Соорудив из больших загорелых рук рупор:
Ahò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò – уууу...
Schooner ahò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò – уууу...)

Я слышу-тебя отсюда, сейчас, и пробуждаюсь к любому всему.
Порывами ветер. Продвигается утро. Жар открывается.
Ощущаю как розовеют щеки.
Сознанием расширяются глаза,
Восторг трогается, поднимается, растёт,
И слепым животным ревом отмечается
Живой поворот маховика.

Надрывный призыв.
Его жар, его ярость кипят во мне
Взрывной смесью страстных тревог,
Собственные мои застылости срываются с места, все!
Крик, запущенный в кровь,
О прошлой любви, где, не знаю, она возвращается
Ещё способная привлекать и тащить за собой,
Ещё способная заставить меня ненавидеть эту жизнь,
Что я провожу в телесной и сознательной непроницаемости
Реальных людей, среди которых живу!

О будь что будет, будь куда будет, отбыть!
Убраться туда, прочь, по волнам, по опасности, по морю,
Идти в Даль, во Вне, в Абстракцию Расстояния,
Неопределимо-неопределённо, таинственными глубокими ночами,
Подобно пыли подняться ветрами и ураганами!

И уйти и идти и уйти тут же!
Всё во мне бешено жаждет крыльев!
Всё тело броском вперёд передо мной!
Я перепрыгиваю через своё воображение в потоки, вовне!
Переваливаю за себя, реву, ускоряюсь!...
Тревоги лопаются пузырьками,
И моя плоть это волна навстречу скалам!

Думать об этом – о бешенство! – думать об этом – о ярость!
Думать об этой узости жизни полной тревог
Порывисто, с дрожью, вынесенно-во-вне,
Порочной, широкой, грубой вибрацией
Живого маховика моего сознания.
Через меня, со свистом, гиканьем, головокружением, открывается
Темная садистская течка стрекочущей морской жизни.
Эй, моряки, вантовые! Эй, команда, боцманы!
Штурманы, матросы, искатели приключений!
Эй, капитаны кораблей! Люди штурвала и мачт!
Люди, спящие в грубых каютах!
Люди, спящие с Опасностью, подступающей к иллюминаторам!
Люди, спящие со Смертью на подушке!
Люди на юте, люди на мостике, откуда смотреть
Безмерность безмерную безмерного моря!
Эй, машинисты грузовых кранов!
Эй, вантовые, стюарды, кочегары!
Люди, загружающие трюмы!
Люди, сворачивающие швартовы на палубе!
Люди, начищающие латунь люков!
Люди штурвала! люди котла! люди мачт!
Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй!
Люди в беретах! Люди в вязаных фуфайках!
Люди с якорями и флажками, крест-накрест вышитыми на груди!
Люди с татуировками, люди с трубками, вперёдсмотрящие!
Люди с кожей тёмной от постоянного солнца, дубленой от постоянных дождей,
С глазами чистыми от этой безмерности впереди,
С лицами отважными от ветров изрядно их потрепавших!
Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй!
Вы, видевшие Патагонию!
Вы, проплывшие вдоль Австралии!
Ваш взгляд весь наполнен берегами, которых мне не увидеть!
Вы сходили на землю в землях, где мне никогда не высадиться!
Вы, скупавшие топорные товары, вторгаясь в дикую глушь колоний!
И всё это как ни в чём не бывало,
Как будто это самые обычные вещи,
Как будто жизнь такая и есть,
И даже предназначение тут ни при чем!
Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй!
Люди теперешнего моря! люди прошлого моря!
Коммивояжёры на борту! галерные рабы! солдаты при Лепанто!
Пираты времён Рима! Мореплаватели Греции!

Финикийцы! Карфагеняне! Португальцы, выпущенные из Сагреша
В безмерное плавание, в Абсолютное Море, в достижение Невозможного!
Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй!
Вы, те кто расставлял вехи, давал мысáм имена!
Вы, те кто первым начал торговлю чернокожими!
Вы, продававшие рабов из новых земель!
Вы, выдавшие первый европейский оргазм потрясённым негритянкам!
Вы, те кто тюками тащил золото, бисер, копья, ароматную древесину
С зеленых берегов, взорванных буйством растений!
Вы, грабившие тихие африканские селения,
Вы, кто пушками обращал эту расу в бегство,
Вы, кто убивал, разорял, пытал, первым
Схватил Новизну, отбирая её трофеи у тех,
Кто упрямо шел к тайнам новых морей! Эй-эй-эй-эй-эй!
Вас всех в одном, вас всех в вас как в одном,
Вас всех вперемешку, скрещенных,
Вас всех кровожадных, ненавистных, насильников, страшных, святых,
Я приветствую вас, я приветствую вас, приветствую вас!
Эй-эй-эй-эй эй! Эй-эй-эй-эй эй! Эй-эй-эй эй-эй-эй эй!
Эй-лахô-лахô ла ХО-лахá-á-á-à-à!

Я хочу идти с вами, я хочу идти с вами,
В то же самое время со всеми вами,
Куда бы вы ни пошли – повсюду!
Я хочу лоб в лоб встречать опасности ваши,
Моё лицо подставить ветрám, от которых морщинисты ваши,
Сплёвывать с моих губ соль морей, целовавших ваши,
Руку тянуть на помощь, разделяя с вами штормá,
И, как и вы, до удивительных портов добраться!
С вами бежать от цивилизации!
С вами утратить представление о морали!
Ощутить там, во что превратилась моя человечность!
С вами в морях Юга пить
Новые свирепости, новую неразбериху души,
Новые сигнальные огни моего взбудораженного духа!
С вами идти, от себя оголиться – о! поэт-ты вынудивший вон
Свой цивилизный костюм, своих манер мягкость,
Врождённый свой страх закованного,
Свою мирную жизнь,
Свою сидячую, неподвижную, определённую, прозрачную жизнь!

В море, в море, в море, в море,
Эй! В море, на ветер, на волны положить
Мою жизнь!
Просолить несомой ветрами пеной
Мой вкус к великим путешествиям.
Высечь водной плетью плоть моего любопытства,
Пронзить океанским холодом кости моей экзистенции,
Бичевать, резать, дубить ветрами, брызгами, солнцами

Мою циклонную атлантическую суть,
Мои нервы, выставленные снастями,
Лирой в руках ветров!

Да, да, да... Распните меня в плавнях,
И мои плечи наслаются моим крестом!
Привяжите меня к плавням как к столбам,
И дрожь столбов пройдёт по позвоночнику
И отзовется во мне сильным пассивным оргазмом!
Делайте со мной, что хотите, только чтобы в морях,
На палубах, под шум волн,
Рвите меня, колите, убивайте!
Я хочу в Смерть донести
Душу, чтобы ей перелиться в Море,
Пьяной упасть любыми морскими вещами,
Как матросами, так и мысами, якорями,
Как далекими берегами, так и шумом ветров,
Как Далью, так и Причалом, кораблекрушениями,
И мирной торговлей,
Как мачтами, так и волнами,
Донести в Смерть со сладостной болью
Банку, полную пивок, чтобы сосали, сосали,
Странных зелёных абсурдных пивок, сосущих-из моря!

Делайте снасти из моих жил,
Канаты из моих мускулов!
Сдирайте с меня кожу, крепите её на кили.
Пусть мне от гвоздей будет больно, и боль эта будет всегда!
Сделайте из моего сердца адмиральский вымпел
Времени старых военных кораблей!
Давите на палубах ногами мои вырванные глаза!
Крушите мне кости прямо о борт!
Секите меня привязанным к мачтам, секите меня!
На все ветра всех долгот и широт
Пусть моя кровь по бурлящей воде,
Пережлётся через корабль от борта к борту
В рвотных судорогах штормов!

Быть ответным ветру брезентом парусов!
Быть свистом ветров как высокие марсы!
Старой гитарой Фаду в полных опасностей морях,
Мелодией услышанной моряками, которую им не повторить!

И те восставшие матросы,
Что вздёрнули капитана на рее.
А другого высадили на необитаемый остров,
Marooned!
Тропическое солнце заражает натянутые жилы

Лихорадкой старого пиратства.
Ветра Патагонии оставляют в воображении
Татуировки трагические и непристойные.
Огонь, огонь, огонь внутри!
Кровь! кровь! кровь! кровь!
Взрывается мой мозг!
Мир раскалывается-в алое!
Лопаются с треском швартовы жил!
И прорывается во мне дикая хищная
Песенка Великого Пирата.
Смерть поёт, ревет Великим Пиратом,
Пока не засядет в костях людей – там, внизу – ужас,
Там с кормы умереть, реветь, петь:

*Fifteen men on the Dead Man's Chest.
Yo-ho-ho and a bottle of rum!*

А потом кричать уже невозможным взорванным в воздухе голосом:

Darby M'Graw-aw-aw-aw-aw!
Darby M'Graw-aw-aw-aw-aw-aw-aw-aw!
Fetch a-a-aft the ru-u-u-u-u-u-u-u-um, Darby!

Эх-ма, вот это жизнь! это жизнь была, эх-ма!
Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй!
Эй-лахô-лахô-лаХо-лахá-á-á-à-à!
Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй!

Разбитые кили, тонут корабли, море в крови!
Палубы полные крови, части растерзанных тел!
По бортам обрубленные пальцы!
Ребьячи ручки валяются тутже, тут!
И эти с глазами наружу от крика, от вопля!
Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй!
Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй!
Я в это всё как в тёплое пальто закутываюсь!
Я обо всё это трусь, как в течку об стенку кошка!
Я ненасытным львом рыкаю на всё это!
Я бешеным быком кидаюсь на всё это!
Я вонзаю ногти, ломаю когти, кровоточу зубами на это!
Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй!

Вдруг в уши врывается
Как будто рядом рожок
Тот самый старинный крик, но теперь холодный, жёсткий,
Призывом уже различимой жертвы,
Шхуны, которую скоро захватят:

Ahó-ó-ó-ó-ó-ó-ó-ó-ó-ó – уууу...
Schooner ahó-ó-ó-ó-ó-ó-ó-ó-ó-ó – ууу...

Мира больше не существует! Я жажду алого!
Я рычу в пылу абордажа!
Старшой-пират! Цезарь-Пират!
Я хватаю, бью, убиваю, рву!
Слышу лишь море, захват, жертву!
Слышу лишь пульс, как пульсируют
Мои височные вены!
Мое чувство горячей крови застилает глаза!
Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй!

О пираты, пираты, пираты!
Меня любите и ненавидьте меня, пираты!
Меня смешайте с собой, пираты!

Ваша ярость, ваша свирепость занозой в крови
Того женского тела, что было когда-то моим и даёт знать о себе течкой!

Мне бы быть зверем в котором все ваши движения,
Зверем, вонзающим зубы в обшивку и кили,
Грызущим мачты, с палуб слизывающим кровь и дёготь,
Жующим паруса, вёсла, блоки и такелаж,
Морской змеей, чудовищной, женской, питающейся преступлениями!

И есть ощущений симфония подобных и несовместных,
Есть оркестровка в моей крови гомона преступлений,
Грохота спазмы оргий крови морей,
Ожесточенно, как южный ветер раскалённый духом,
Туман из горячей пыли мне туманит ясность ума,
Меня принуждая бредить и видеть венами только и кожей!

Пираты, пиратство, корабль, время,
То время моря, когда застигают жертву,
И страх жертв стремится к безумию, это время
Во всём своём – бесчинств, страха, кораблей, людей, облаков, небес,
Лёгкого бриза, широты, долготы, воплей, –
Я бы хотел в этом вашем Всём быть телом моим -- в вашем Всём страдая,
Чтобы тело моё и моя кровь – моё существо составили в алом,
Чтобы цвело раной, нереальную плоть моей души разъедая!

О, быть в преступлении всем, быть всеми его составляющими,
Нападением на корабли, и бойнями, и насилием!
Стольким быть, что было в самом захвате!
Столькими выжившими или павшими на месте кровавых трагедий!
Быть обобщением-пиратом в своём апогее пиратства
И синтезом-жертвой, но из костей и мяса, всех пиратов на свете!

Быть телом пассивным, женщиной-всеми-женщинами,
Которых насиловали, ранили, убивали, терзали пираты!
Покорной частью меня быть той женщиной, что достанется им!
И предвкушать это – все это разом – хребтом!

О мои грубые волосатые гении авантюр и преступлений!
Мои морские хищники, супруги моей фантазии!
Случайные любовники двусмысленности ощущений!
Я хотел бы быть Той ждущей в портах
Вас, ненавистных любимых кровью снов о пиратах!
Ведь она бы с вами бесилась, хотя бы сознанием,
Над голыми трупами жертв ваших в морях!
Ведь она в зверствах неизменно незримо с вами, и в разгуле океана
Ведьмой невидимой плясала б вокруг оргии
Ваших душителей-тел, ваших ножей, ваших режущих рук!
А она, вас ожидая на суше, когда вы вернетесь, если вы и вернётесь,
Глубоко бы вдыхала в рычаниях вашей любви густой
Смутный зловещий запах ваших побед
И сквозь ваш оргазм развязала б шабаш в жёлтом и алом свистом!

Разодрана плоть, плоть вспорота, выпотрошена, потоками кровь!
И тут в самом разгаре грёз о ваших деяниях
Я теряю себя в себе, и я уже не ваш, я-вы,
А моя женственность, сопровождающая вас, бытие ваших душ!
Быть внутри каждой вашей жестокости в самом ее совершении!
Изнутри присосаться к сознанию ваших чувств,
Когда вы окрашиваете кровью открытое море,
В те моменты, когда вы швыряете акулам
Еще живые раненые тела, розовое детское мясо,
А матерей тащите к борту, чтоб видели, что стало с их детьми!

Быть с вами в бойне, в резне!
С вами сплестись в оркестровке симфонии грабежа!
О не знаю, не знаю, скольким я бы хотел быть в вас!
Не то чтобы только быть-вами женщиной, быть-вами женщинами, быть-вами
жертвами,
Быть-вами жертвами – мужчинами, женщинами, детьми, шхунами, —
Не то чтобы только быть временем, и кораблями, и волнами,
Не то чтобы только быть вашими душами, телами, вашей яростью, вашей мочью,
Не то чтобы быть конкретно вашим абстрактным действием оргии,
Не то чтобы только этим я хотел быть – бóльшим чем это, Бог-это!
Быть именно Богом, Богом от обратного,
Зверским сатанинским Богом, Богом с пантеизмом в крови,
Чтобы собой занять по полной ярость моего воображения,
Чтобы не исчерпались никогда мои стремления отождествиться
С каждым, со всем и больше-чем-со-всем в ваших свершениях!

О терзайте меня, чтобы излечить!
Мою плоть – сделайте из неё воздух, и его рассекают ваши тесаки,
Перед тем как упасть на головы и на плечи!
Пусть мои вены будут одеждой, и их вспарывают ваши ножи!
Моё сознание – телом насилуемых женщин!
Мой ум – палубой, на которой вы стоите, убивая!
Вся моя жизнь в её нервной, абсурдной, истеричной целостности
Огромным организмом, в котором каждое действие пиратства
Было бы сознающей клеткой – а я весь толповоротом,
Как необъятное развратное колыхание, и был бы тем всем!

С такой непомерной пугающей скоростью
Вращается механизм лихорадки моих зашкаливающих
Видений, что моё сознание, маховик,
Теперь едва намечено кру́гом, свистящим в воздухе.

*Fifteen men on the Dead Man's Chest.
Yo-ho-ho and a bottle of rum!*

Эй-лахô-лахô-лаХО — лахá-á-ááá – ààà...

О свирепое этой свирепости! В дерьмо
Любую жизнь похожую на нашу, в ней всего этого нет!
Я вот тут инженер, принуждённый работать, подверженный всему,
Тут вот застыл по сравнению с вами, даже если иду;
Вялый – даже если я действую; слабый – даже если навязываюсь;
Статичный, разбитый, трусливый отступник от вашей Славы,
От ваших великих движений, резких, горячих, кровавых!

К черту быть неспособным действовать согласно собственному бреду!
К черту жить, вцепившись в нижние юбки цивилизации!
Фланировать с *douceur des mœurs* по набережным, упакованным в кружавчики!
Мальчики на побегушках – вот кто мы все – у современного гуманизма!
Ступор чахоточных, неврастеников, сердечников,
Без храбрости людей насилия и отваги,
С куриной душой жертвы, привязанной за ногу!

О пираты! пираты!
Томление по запретному слито со зверством,
Томление по вещам абсолютно свирепым и мерзким,
Как будто гон оно гложет наши хрупкие тела,
Наши женские изнеженные нервы
И бешеной лихорадкой заполняет наши пустые взгляды.

Поставьте меня перед собой на колени!
Унижайте меня и бейте!
Сделайте из меня раба, вашу вещь,
И пусть никогда не оставит меня ваше презрение,

О мои господа! о мои господа!

Всегда принимать как славу участь покорных
В кровавых делах и в чувственностях распостёртых!

Обрушьте на меня тяжеленными стенами,
Варвары старинного моря!
Раздирайте-меня, режьте-меня!
Располосуйте мое тело
С востока до запада моей кровью!
Исцелуйте плетьюми, тесаками и злобой
Мой радостный плотский ужас принадлежать вам,
Мое мазохистское желание отдаться вашей ярости,
Быть предметом, податливым и чувствующим, вашей всеядной свирепости.
Властители, господа, императоры, корсары!
О мучьте-меня,
Разорвите-меня, вскройте-меня!
И уже разделанного на сознательные кусочки
Разбросайте-меня по палубам,
Развейте-меня по морям, раскидайте
По алчным пляжам островов!

Откармливайте мной мою мистическую связь с вами!
Гравируйте по телу мою душу,
Кройте, накальвайте,
О татуировщики моего телесного воображения!
Обожаемые живодёры моей постели унижения!
Унижайте-меня как добивают пинками пса!
Сделайте из меня кладезь вашего чувства превосходства!
Как Христос страдал за всех людей, я хочу страдать
За всех жертв попавших в ваши руки,
В ваши мозолистые кровавые руки с пальцами обрубленными
В ожесточенных абордажах!

Делайте из меня некую вещь, как будто бы меня
Волóчат – о наслаждение, о поцелованная боль! –
Волóчат привязанного к лошадям, а вы их хлещете плетью...
Но это в море, это в мо-о-оре, это в МО-О-О-ОРЕ!
Эй-эй-эй-эй-эй! Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй! ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ! В МО-О-О-О-ОРЕ!

Эх! Эй-эй-эй-эй-эй! Эх-эй-эй-эй-эй-эй! Эх-эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй!
Всё – криком! кричи – всё! ветра, волны, лодки,
Моря, марсы, пираты, моя душа, кровь, и во-о-оздух!
Эй-эй-эй-эй! Эх-эй-эй-эй-эй! Эх-эй-эй-эй-эй-эй! Всё поёт криком!

FIFTEEN MEN ON THE DEAD MAN'S CHEST.
YO-HO-HO AND THE BOTTLE OF RUM!

Эй-эй эй-эй эй-эй-эй! Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй! Эй эй-эй эй-эй-эй-эй!
Эй-лаб-лахô- лаХО-О-О-ôô-лахá-á-á-à – ààà!

АНО-Ó-Ó Ó Ó-Ó Ó Ó Ó Ó Ó – ууу!...

SCHOONER AHÓ-Ó-Ó-Ó-Ó-Ó-Ó-Ó-Ó-Ó – уууу!

Darby M'Graw-aw-aw-aw-aw!

DARBY M'GRAW-AW-AW-AW-AW-AW-AW!

FETCH A-A-AFT THE RU-U-U-U-U-UM, DARBY!

Эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй-эй!

ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ!

ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ!

ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ!

ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ-ЭЙ!

Что-то во мне рвётся. Смеркается алое.

Я перечувствовал слишком, чтобы чувствовать дальше.

Моя душа исчерпалась, точно внутри меня только эхо.

Скорость маховика ощутимо гаснет.

Мои грёзы убирают руки с моих глаз.

Внутри меня пустота, лишь пустыня, ночное море.

И стоило ощутить внутри это ночное море,

Как из его дали поднимается, из его молчания рождается

Снова, снова безмерный древнейший крик.

Вдруг – как молния звука – в ней нет грохота, только нежность, –

Внезапно охватывая весь морской горизонт,

Волглый тёмный ночной человеческий рокот,

Голос дальней сирены, плачущей, зовущей,

Из глубины Дали, из глубины Моря, из души Бездны,

И в такт ему, как водоросли, болтаются мои разобранные грёзы...

Ahò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò – уу...

Schooner a Ahò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò-ò – уу ...

О роса, выпавшая на моё возбуждение!

О ночная свежесть моего внутреннего океана!

Вот всё во мне предстоит этой морской ночи,

Полной глубоко человеческой тайны ночных волн.

Луна всходит на горизонте,

И просыпается, как слеза, счастливое детство во мне.

Прошлое восстаёт, как будто этот морской крик

Был запахом, голосом, эхом мелодии,

Призывающей в моём прошлом

То счастье, которое больше ко мне не вернется.

Это было в спокойном старом доме на берегу реки...

(Окна моей спальни, как и окна столовой,

Выходили поверх низких крыш на ближнюю реку,

На Тахо, эту самую Тахо, но в другом месте, подальше...

Если сейчас подойти к тем самым окнам, к тем окнам не подойдёшь.

То время прошло пароходным дымом в открытом море...)

Добавляется необъяснимая нежность,

Трогательные слезливые угрызения совести

По всем тем жертвам – особенно детям, –

О которых я грезил, представляя себя пиратом,
Трогательное сочувствие, ведь они были моими жертвами;
Нежное и лёгкое, ведь на самом деле они ими не были;
Путаная нежность, синеватая, как потускневшее стекло,
Поёт старые песенки в моей бедной больной душе.

О как я мог воображать, грезить о таких вещах?
Как я далёк от того кем я был только что!
Истерия ощущений – то таких, то обратных!
Белёсое утро встает забвением отбирающим
Лишь вещи определённого ощущения – шума воды,
Лёгкого плеска речной воды о причал...
Парусник проплывает у того берега реки.
Дальние горы цвета японского синего,
Домики Алмады,
И то что есть от лёгкости и от детства в этом утреннем часе!..

Ласточка пролетает
И нежность моя растёт.

Но всё это время ничто ни в чём не воскресло.
Всё это было лишь лёгкой лаской по коже.
Всё это время я не отводил глаз от моей дальней грезы,
От моего дома рядом с рекой,
От моего детства рядом с рекой,
От окон моей спальни, выходящих на ночь на реке,
И лунное сияние, рассеянное по воде...

Моя старая тётя, она меня так любила, из-за сына, которого потеряла...
Моя старая тётя обычно перед сном мне пела
(Хоть я и был слишком взрослым для этого)...
От воспоминаний слезы капаят мне на сердце и отмывают его от жизни,
И во мне поднимается лёгкий морской ветерок.
Иногда она пела «Корабль Катрина»:

*Плывет там Корабль «Катрина»,
По водам морским плывет...*

А иногда такую тоскливую и такую средневековую мелодию,
Это была «Прекрасная Инфанта»... Я вспоминаю и во мне поднимается бедный
старческий голос
И напоминает о том, как мало я вспоминал о ней, а она меня так любила!
Каким неблагодарным я был – и вот что я сделал с жизнью!
Это была «Прекрасная Инфанта»... Я закрывал глаза, а она пела:

*Как-то Прекрасная Инфанта
В саду своем была допоздна...*

Я приоткрывал глаза и видел окно, полное светом луны,
А потом опять закрывал глаза, и во всем этом было счастье.

Как-то Прекрасная Инфанта

*В саду своем была допоздна
Золотой свой гребень держала
Расчесывала косы она*

О моё детское прошлое, игрушка, которую мне разломали!

Невозможность отплыть в прошлое, в тот дом и ту привязанность,
И остаться там навсегда, всегда ребенком, всегда всем довольным!
Но всё это было Прошлое, уличный старый фонарь на углу.
Эта мысль несёт холод, голод, столь это недостижимо.
От этой мысли мне как-то странно неловко,
О медленный водоворот расходящихся ощущений,
Лёгкое головокружение, путаница в душе,
Разломанные злости, нежности, как тележки на верёвочке, с которыми играют дети,
Огромные обрушения воображения на глаза ощущений.
Слёзы, бесполезные слёзы,
Лёгкие ветерки противоречия, чуть задевающие поверхность души...

Я, чтобы выйти из этого состояния, усилием вызываю в памяти,
Безнадёжным усилием, увядшим, пустым, вызываю
Песенку умирающего Великого Пирата:

*Fifteen men on the Dead Man's Chest.
Yo-ho-ho and a bottle of rum!*

Но песенка – это прямая линия, плохо прочерченная во мне...

Новым усилием мне удастся вызвать перед глазами души
Который раз, но уже используя почти литературную фантазию,
Ярость пиратства, резни, позыв к грабежу, почти ощутимый на вкус,
К бессмысленной резне женщин и детей,
К бездумным издевательствам над пассажирами, чтоб нам только развлечься,
И чувственное наслаждение ломать и портить самое дорогое для других,
Но мне страшно грезить об этом, как будто что-то мне задышит в затылок.

Я вспоминаю, что было бы забавно
Вздёрнуть сыновей на глазах их матерей
(Но я невольно ощущаю себя их матерями),
Закопать живьем на необитаемом острове четырёхлетних детей,
Подогнав к берегу лодки с родителями, чтобы смотрели
(Но я содрогаюсь, вспоминая о сыне, которого у меня нет, и он спокойно спит дома).

Я подстрекаю холодную страсть морских преступлений,
Инквизиции без оправдания Верой,
Преступлений, необъяснимых даже злобой и яростью,
Хладнокровных, ни чтобы карать, ни чтобы творить зло,
Даже и не для нашего развлечения, просто чтобы провести время,
Как тот, кто раскладывает пасьянсы где-то в провинции на обеденном столе
Со скатертью, сдвинутой к краю стола после обеда.
Лишь для легкого послевкусия от мерзких преступлений и не считая их чем-то
особенным,

Видеть страдания на грани безумия и смерти-от-боли, но не давать себе оказаться там...

Всё же моя фантазия отказывается следовать за мной.

Меня трясёт от озноба,

И внезапно, еще более внезапно, чем в тот раз, из большей глубины, из большей дали, Внезапно – о страх по всем моим жилам! –

Внезапно холод двери в Тайну что открывается во мне и в неё врывается поток воздуха.

Я вспоминаю о Боге, о Трансцендентном жизни, и внезапно

Старый голос английского моряка Джима Барнса, с которым я говорил,

Ставший во мне голосом таинственной нежности, мелкими вещицами

материнского подола и ленты в волосах

сестры,

Но поразительно идущий из-за той стороны яви,

Отдаленный глухой Голос, ставший Абсолютным Голосом, Голосом-Безо-Рта,

Идущий поверх и изнутри ночного одиночества морей,

Призывает меня, призывает меня, призывает меня...

Он доносится глухо, как будто бы был упущен, а слышится

Издалека, как будто звучит в другом месте, а здесь его не слышно,

Как приглушённое всхлипывание, гаснущий свет, тихое дыхание,

Из никакого места пространства, из никакой точки времени,

Ночной вечный крик, долгий нечёткий выдох:

Ahô-ô-ô-ô-ô-ô-ô-ô-ô-ô-ô – ууу...

Ahô-ô-ô-ô-ô-ô-ô-ô-ô-ô-ô – ууу...

Schooner ahô-ô-ô-ô-ô-ô-ô-ô-ô-ô-ô – уу.....

Я дрожу душевным холодом, пробегающим по телу,

И вдруг открываю глаза, которые я не закрывал.

О, что за радость разом выйти из грёз!

Вот снова реальный мир, он так полезен для нервов!

Тот самый утренний час, час ранних пароходов, заходящих в порт.

Меня больше не волнует заходящий пароход. Он всё ещё далеко.

Теперь лишь ближайшее мне омывает душу.

Мое здоровое сильное практичное воображение

Теперь занято лишь тем, что современно и полезно,

Грузовыми судами, пароходами и их пассажирами,

Всем сильным, непосредственным, деловым, современным, настоящим.

Маховик во мне умирляет своё вращение.

Чудесная современная морская жизнь,

Вся – чистота, механизмы и здоровье!

Всё так хорошо устроено, так ненавязчиво прилажено,

Все части механизмов, все суда в морях,

Все составляющие экспортно-импортной деловой активности,

Так чудесно организованные,

Что всё идёт как будто по законам природы, и

Ничто ни на что не натывается!

Поэзия ничего не потеряла. А теперь ещё есть механизмы

Тоже со своей поэзией, и новый образ жизни,

Деловой, мирской, интеллектуальной, чувственной,
Который эпоха машин привнесла в души.
Сегодняшние путешествия так же прекрасны, как раньше,
А корабль всегда будет прекрасен, просто потому что он корабль.
Путешествовать все еще путешествовать, и даль останется там где была –
В нигде, слава Богу!

Порты, полные разнообразных пароходов!
Больших, маленьких, разных цветов, с разным расположением иллюминаторов,
Такого изумительного множества пароходных компаний!
Пароходы в портах, столь особенные в заметной отдельности стояния-на-якоре!
Как приятна их спокойная грация деловой жизни, идущей в море,
В старом море, всё ещё в море Гомера, Одиссея!
Человеколюбивый взгляд маяков далеко в ночи
Или вдруг ближний маяк из ночной тьмы
(«Ведь мы подошли так близко к берегу!» И в ушах стоит шум волн!)...

Сегодня всё это – как было всегда, но есть деловая жизнь;
И деловое предназначение больших пароходов моего времени
Будит во мне тщеславие!
Пестрота людей на борту пассажирских судов
Наполняет меня гордостью жить в современности, когда так легко
Мешаются расы, преодолеваются пространства, и легко смотреть на все вещи
И получать удовольствие от жизни, воплощающей множество грёз.

Чистые, правильные, современные, как рабочий стол с сетчатыми лотками из жёлтой
проводами!
Теперь мои ощущения, естественные и умеренные, как *gentlemen*,
Далёкие от безумия, практичные, наполняют морским воздухом лёгкие,
Будто люди, прекрасно знающие, как следует правильно дышать морским воздухом.
День уже полностью вошел в рабочий график.
Все неуклонно оживляется, упорядочивается.

Я с неподдельным наслаждением просматриваю душой
Все необходимые для отправки грузов деловые операции.
В мое время на всех накладных есть печать,
И я чувствую, что письма со всех рабочих столов,
Наверное, посланы мне.

У коносаментов груза столько особенностей,
А подпись капитана судна столь красива и современна!
Деловой этикет начала и конца писем:
Dear Sirs – Messieurs – Amigos e Srs.,
Yours faithfully – ... nos salutations empressées...
Все это не только ясно и человечно, но и красиво,
И направлено по морскому адресу, на корабль, куда грузят
Товары, о которых идет речь в письмах и накладных.

Многомерность жизни! Накладные написаны людьми
Со своей любовью, ненавистью, политическими пристрастиями, порой преступлениями

–
И так хорошо написаны, выстроены так независимо от всего этого, что

Можно смотреть на накладную и всего этого не ощутить.
Ты, Цезарио Верде, точно это чувствовал.
А я это чувствую до слёз человечески-человечно!
Мне скажут, что в бизнесе, в рабочих столах нет поэзии!
Теперь она проникает через все поры... В этом морском воздухе я её вдыхаю,
Но это приходит благодаря пароходам, современной навигации,
Потому что деловая переписка и накладные – начало истории,
А корабли, транспортирующие грузы по вечному морю, – её конец.

О, путешествия, чтобы отдохнуть, и другие путешествия!
Морские круизы, в которых мы особым образом сопровождаем
Друг друга, как будто морская тайна
Приблизилась к душам и на мгновение сделала нас
Временными патриотами одной и той же неведомой родины,
Вечно перемещающейся по безмерности вод!
Великие отели Бесконечного, о мои трансатлантические лайнеры!
Полные, безупречные космополиты, никогда не задерживающиеся в одной точке,
Насчитывающие всевозможные виды одежды, лиц, рас!

Путешествие, путешественники – их столько видов!
Столько наций на свете! Столько профессий! Столько людей!
Столь несходными судьбами их наделяет жизнь,
Жизнь в основе своей всегда все та же!
Столько лиц необычных! Лица все необычные,
И самое религиозное чувство – много смотреть на людей.
Братство на самом деле это не идея революции.
И это то чему учит людей их обычная жизнь принуждая терпеть всё
И часто встречает готовность тех, кто должен терпеть,
И наконец они плачут от нежности к тому, что надо терпеть.
О! Это красиво, это человечно и привязано так
К человеческим чувствам, таким уживчивым и буржуазным,
Так усложненно простым, так метафизично печальным!
Жизнь, качаясь и расходясь, наконец приводит нас к человеческому.
Бедные люди! Бедные все они все!
Я отделяюсь от этого часа с корпусом этого другого парохода,
Он прямо сейчас отходит. Это английский *tramp-steamer*,
Такой грязный, как будто бы был французским,
Привлекательного вида морского пролетария,
И объявленный, конечно, на последней странице газеты.

Бедный пароходик, столь жалкий и столь настоящий, умиляет меня.
Ему, кажется, присуща особая щепетильность, персональная ответственность
За исполнение заданий, что бы ни поручили.
Вот он там освобождает своё место у причала, где стоял.
Вот он там спокойно отходит, минуя места, где стояли корабли.
В тот раз, в тот раз...
На Кардифф? На Ливерпуль? На Лондон? Не имеет значения.
Он исполняет задание. Так и мы исполняем наши. Жизнь прекрасна!
Хорошего плаванья! Хорошего плаванья!
В добрый путь, мой бедный случайный друг, ты любезно
Забрал с собой лихорадку и грусть моих грёз,
И вернул меня к жизни, чтобы смотреть на тебя и видеть как ты проходишь.

В добрый путь! В добрый путь! Такова жизнь...

Такая естественная, столь неизбежно утренняя поправка
Сегодня в твоём выходе из лиссабонского порта!
Я к тебе благодарно и странно привязан за это...
За это что? Кто знает это что!.. Проходя... Просто...
С легким содроганием,
(Г-т-т-т-т-т-т-т-т...)
Маховик во мне останавливается.

Проходи, медленный парходик, не останавливайся...
Отходи от меня, уходи из моего взгляда,
Убирайся из моего сердца,
Потеряйся в Дали, в Дали, в тумане Бога,
Потеряйся, следуй по назначению и оставь меня...
Кто я такой, чтобы плакать и вопрошать?
Кто я такой, чтобы тебя любить?
Кто я такой, чтобы смущаться при виде тебя?
Он отдаляется от причала, солнце всё выше, золото разрастается,
Здания на причале блещут крышами,
Город с этой стороны весь сверкает...

Уходи, оставь-меня, стань
Сперва кораблём среди реки, отдельным и чётким,
Потом кораблём выходящим из устья крошечным, чёрным,
Потом точкой размытой на горизонте (о моя тревога!),
Точкой всё более блёклой на горизонте...
Потом ничем, и только я и моя грусть,
И большой город, теперь весь залитый солнцем,
И голое реальное время, как причал, но уже без кораблей,
И медленный разворот крана, как поворот компаса,
Очерчивает чёрный полукруг не знаю какого чувства
В тронутым молчанием моей души...

Перевод с португальского Наталии Азаровой